

ОБЪ ИЗБЫТОЧЕСТВУЮЩЕЙ ЖИЗНИ.

(Мистика и Церковь).

I.

«Какъ лань стремится къ потокамъ воды, такъ жаждетъ душа моя Тебя, Боже». Это — основной крикъ души всѣхъ мистиковъ. Иссохшее, истосковавшееся мое «я» хочетъ прикоснуться къ Источнику. И въ странныхъ словахъ говорятъ мистики объ этомъ, въ странныхъ, непонятныхъ, въ неожиданныхъ, парадоксальныхъ выраженіяхъ. Ибо *То* — совсѣмъ, совсѣмъ другое, чѣмъ все остальное. Гдѣ утѣшить тоску сердца? — Только *тамъ*. Избытокъ жизни, вливающейся въ душу, и ее поднимаетъ надъ всѣмъ окружающимъ, обыденнымъ, и невозможное дѣлаетъ возможнымъ и расходящестъ останавливается — мы здѣсь теперь уже прикасаемся къ Вѣчному, мы въ Вѣчномъ, бѣдное сердце воспринимаетъ Безконечность Божию, все болѣе жаждетъ Безконечности Божіей.

Der Abgrund meines Geists ruft
immer mit Geschrei
Den Abgrund Gottes an: Sag
welcher tiefer sey?

«Бездна бездну призываетъ» — бездна души бездну Бога: такъ толкуютъ мистики слова псалмопѣвца.

Ибо Богъ даетъ себя безъ мѣры, не мѣрою даетъ Богъ Духа: «Gott gibt sich ohne mass, говоритъ тотъ же нѣмецкій мистикъ: je mehr man ihm begehrt, je mehr und mehr Er sich erbietet und gewehrt».

Предъ этимъ богатствомъ что значить все остальное. Страніе радостно и сладостна смерть. «Ибо для меня жизнь — Христось и смерть — приобрѣтеніе». «Жи-

вемъ мы или умираемъ, мы всегда Господни. Что есть богатство? — Страніе и смерть ради Возлюбленнаго. Спросили любящаго: что такое блаженство? — Онъ сказалъ, что это — то страніе, которое испытываешь ради любви. Спросили его: есть ли у тебя деньги, сокровища? — У меня есть, отвѣчалъ онъ, любовь и любовные помыслы, есть слезы, порывы, есть страніе и томленіе: а все это безконечно дороже, чѣмъ царства или владычества».

Странно это, непонятно. Но вѣдь и сокровище это безмѣрно и заполняетъ душу, и даетъ силу и радость и сознаніе избытка. Нашедшій сокровище «въ полѣ» продаетъ все и покупаетъ поле это.

Время просвѣтляется, жизнь и міръ просвѣтляются. Они и значительны и незначительны; и малоцѣнны, соръ и прахъ, и имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ безконечную цѣнность — въ Богѣ. «Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ» и озаряетъ тьму. Для того, кто въ Богѣ живетъ, кто «въ Богѣ сокрытъ» время уже стало Вѣчностью.

«Du sprichst: Versetze dich aus Zeit
in Ewigkeit:

Ist denn an Ewigkeit und Zeit
ein Unterschied?»

Такъ пишетъ Angelus Silesius. Онъ какъ разъ обладаетъ даромъ въ краткихъ словахъ выразить это парадоксальное Боже-ственнаго.

Однако невыразимо это. Богъ приходитъ, и смолкаетъ человѣкъ. И смиряется человѣкъ, и умалывается, и уничтожается, становится какъ «ничто», какъ малый

ребенокъ. «Сердце становится какъ дитя». «Ему нужно расти, а мнѣ умяляться». Начинается новая жизнь.

II.

Эта новая жизнь есть жизнь любви. Ибо только любви открывается Богъ. Ибо разверзлись бездны Божественной Любви, и Богъ въ Сынѣ открылся намъ какъ любовь безмѣрная. «Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ и послалъ Сына Своего «въ милостивленіе за грѣхи наши». «Смотри-те, какую любовь далъ намъ Отецъ, чтобы намъ называться и быть дѣтьми Божиими». Только тотъ, въ душѣ котораго органъ любви развитъ, можетъ постичь Бога. Поэтому любовь есть единственный путь къ богопознанію. И любовь къ брату неотдѣлима отъ любви къ Богу — это одинъ потокъ. Поэтому прощальныя слова Христа за послѣдней вечерей гласятъ: «Любите другъ друга! *Потому* узнаютъ, что вы — мои ученики, если будете имѣть любовь между собою». «Мы знаемъ, что перешли отъ смерти къ жизни, ибо любимъ братьевъ», говоритъ ап. Іоаннъ.

Не одиночество только и экстаическое отрѣшеніе, а жизнь любви и ростъ въ любви, чтобы воспріять Бога, который есть Любовь: «Чтобы вы, *укорененные и утвержденные въ любви*, могли постигнуть со всѣми святыми, что есть широта и долгота и глубина и высота (Божія) и уразумѣть всякое разумѣніе превосходящую любовь Христову дабы вамъ исполниться всею полнотою Божіей». Поэтому мистическая жизнь активна, ибо любовь активна, динамична, возрастаетъ, расширяется. «Кому больше прощается, тотъ больше любитъ». Молюсь о томъ, чтобы любовь ваша еще болѣе и болѣе возростала въ познаніи и всякомъ «чувствѣ».

«Возлюбленные! мы отъ Бога... потому что любовь отъ Бога; и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога». Въ этомъ — суть христіанства и христіанской мистической жизни.

А центръ ея — Сынъ любви Его. Въ этомъ — отличіе христіанства отъ всѣхъ другихъ религій и всѣхъ другихъ религіозныхъ опытовъ, что центръ его есть воплощенная Любовь, что тайна его и сокровище его есть «всякое разумѣніе превосходящая любовь Христова». Но ка-

ковъ Христосъ, таковы должны быть и «Христовы». Поэтому Павелъ и восклицаетъ: «Богъ есть свидѣтель, что я люблю васъ всѣхъ *любовію Іисуса Христа*». Здѣсь, въ христіанской мистической жизни *одно* пламя, *одно* горѣніе — любви Христовой, и братъ просвѣтляется въ живой образъ Христа: «Истинно говорю Вамъ, что разъ вы сдѣлали сіе одному изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то Мнѣ сдѣлали».

А разъ такъ, то мы не одни идемъ къ Богу, а вмѣстѣ съ братьями. «*Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ*»... На самыхъ вершинахъ молитвенной жизни, въ уединенной клѣти сердца молимся мы: не «Отче мой», а «Отче *нашъ*». Ибо мы всѣ — тѣло, а Онъ — глава. Сростаясь съ Главой нашей, все больше сростаемся мы другъ съ другомъ — съ членами великаго Тѣла мистическаго. Поэтому, «страждетъ ли одинъ членъ, съ нимъ страдаютъ всѣ члены; прославляется ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены». Въ этомъ — суть и смыслъ Церкви. Ибо Богъ — Любовь открывается любви, и нельзя любить Бога, котораго не видѣлъ, если не любить брата, котораго видишь. Святые не хотѣли и спастись безъ братьевъ. «Я желалъ бы быть отлученнымъ отъ Христа ради братьевъ моихъ по плоти», восклицаетъ Павелъ, который «все почелъ соромъ, чтобы приобрѣсть Христа! Сходное говорить и Симеонъ Новый Богословъ и Исаакъ Сиринъ. Вотъ это — соборное чувство, *церковное* чувство. «Я въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершены во едино»... Да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино».

Безмѣрно раскрывается вмѣстилище души, чтобы воспріять Бога. Но въ христіанствѣ она должна Бога-Любовь воспріять и вмѣстить въ себя вмѣстѣ съ братьями, которые являются братьями намъ въ Братѣ Нашемъ, Единородномъ Сынѣ Отца, Сынѣ Его любви. Въ этомъ — смыслъ и обоснованіе и жизнь Церкви. *Лишь участіемъ въ великомъ потоку любви приходимъ мы къ Богу*. Потокъ любви: онъ же — «Тѣло Его, полнота Наполняющаго вся во всемъ», говоря словами Павла о Церкви, т. е. это — Полнота того Избытка Жизни, что одинъ только утѣшаетъ душу.

Николай Арсеньевъ.